

Художник Н. Рысс

Птицы небесные

Наталья Анискова

Ветер свистит, воеет, бьется о камни. Швыряет в лицо снежную крупу, норовит соскрести Кай со ступеней и бросить вниз, на гладкие плиты.

— Й-у-у-ш-ш! — свистит ветер.

Кай цепляется за край очередной ступени — та шириной с локоть, но высокая, Кай почти до плеч, — ищет пальцами ног мелкие впадинки, карабкается вверх. Забрасывает тело на каменную площадку и нащупывает новый край.

Кай не знает, сколько времени провела на пирамиде. В висках бьет молотом кровь. Надо успеть. Убить птицу и вернуться. Убить и вернуться. До темноты.

— Й-у-у-ш-ш! — свистит колючий ветер.

Ночью небесные звери смотрели яркими глазами на землю и видели все. Они видели, как металась Кай от своей хижины к знахарке, старой Лой. Как обтирала холодной водой горячее тельце Чикуля. Как сидела, привалившись к жесткой стене, глядя на знахарку. Лой надела черную маску, разрисованную красными змеями, и напевала над Чикулем, прогоняя от мальчика смерть. Она бросила травы в очаг, и по жилищу стлался пахучий дым, выедавая глаза Кай. Знахаркина тень качалась на стене, тряслись ее седые космы и амулеты, колыхались полосы дыма, и казалось, что не будет конца этому танцу.

А потом все остановилось. Умолкла старая Лой, перестала трясти амулетами. Кай вытянула шею и увидела, как Чикуль неподвижно вытянулся на циновке. И небесные звери видели, как безумная женщина раздирает ногтями земляной пол, заходясь в крике.

Знахарка обхватила Кай неожиданно сильными руками и встряхнула:

— Послушай меня. Послушай.

Кай замолчала. Может, Лой знает, как спасти Чикуля?

— У тебя будут еще дети. Ты молодая и сильная, Кай. Ты красивая и ловкая, наши охотники с радостью возьмут тебя в жены. Даже Туун...

О чем говорит эта старуха, выталкивая слова из сморщенного рта, похожего на змеиную пасть? Дети?... Туун?..

Кай родилась и выросла в небольшом селении неподалеку от пустого города Ка'наль. Город опустел настолько давно, что даже старики не помнили, каков он был. Только пирамида жрецов напоминала о Ка'нале, врезаясь в небо длинным черным клыком. Поговаривали, что в городе обитают сейчас духи похороненных там людей. И хотя деревенские жрецы не запрещали ходить в Ка'наль, не нашлось бы человека, который по доброй воле отправился туда.

Кай, подобно всем дочерям народа майя, училась вести дом, вышивать и ткать, помогала матери на маисовом поле. В назначенную пору сваха выбрала в мужья Кай молодого охотника Неналья. Девушка перешла в его хижину и стала называться Иш-Кай. Правда, к новому замужнему имени она так и не привыкла. Как и другие жены, Кай разбрасывала по полю маисовые зерна в месяц Пааш, пригибала к низу початки в месяц Сиип, выпалывала сорняки в месяц К'айаб, собирала урожай в месяцы Йашк'ин и Мооль, хозяйничала и ждала двоих — мужа и своего первенца. Неналь возвращался вечерами, и сразу становилось тесно и уютно. Кай мостилась

ФАНТАСТИКА

рядом с мужем и вышивала разноцветными бусинами — то колчан, то рубаху, то платье. Ей легко дались роды, и хватало молока, а сын оказался похож на Неналья, как зерно в початке на соседнее. Так размеренна и правильна была жизнь.

Серая лихорадка, которая унесла родителей Кай и еще половину селения, обошла стороной ее хижину. Но именно в ту пору Кай начала бояться. Погребальные костры ежедневно пылали на берегу, и воздух над селением был плотным и жирным. Пустые жилища распахнули беззубые пасти, будто готовились пожрать еще чью-нибудь жизнь. Кай просыпалась утром и боялась увидеть серые пятна на муже или сыне. В поле она боялась услышать за спиной лающий кашель привязанного сзади Чикуля. Вечером — боялась увидеть осунувшегося Неналья, с трудом бредущего домой. А когда Кай проваливалась в сон, ее затягивало в красно-черную воронку, в которой мелькали чьи-то скрюченные пальцы, оскаленные криком рты, воспаленные глаза.

Но все обошлось. Лихорадка насытилась и отступила, рассеялся смрад погребальных костров, новые семьи заняли пустые хижины. Чикуль встал на ноги, научился бегать и слишком отяжелел, чтобы привязывать его за спиной. Теперь Кай оставляла сына играть с другими детьми на краю поля и приходила туда кормить его грудью, отдыхая от работы.

Так и шли дни, пока не споткнулись. Истерзанное тело Неналья принесли из леса поздним вечером, почти ночью. Кай еще в хижине услышала монотонную песню смерти, которую подхватывали жители селения. Она даже не успела встревожиться, просто вышла и запела вместе со всеми. Разве мог ее ловкий, сильный, легконогий муж попасться ягюару или уступить пуме? Охотники приближались, Кай смотрела на процессию и вдруг поняла, что не видит среди идущих Неналья.

Так закончилась ее прежняя жизнь, от которой остались только сын и расшитый разноцветными бусинами колчан. Конечно, вдова могла снова выйти замуж. И холостые охотники засматривались на высокую, статную Кай, домовитую и способную рожать сыновей. Особенное внимание обратил на нее Туун — один из лучших охотников, умный, сильный и красивый юноша. Он все время старался попасться на глаза Кай, заговорить с нею и смотрел, смотрел жадными глазами. Тем не менее его предложение, как и остальные, с которыми приходила деревенская сваха, Кай неизменно отвергала. После работы в поле она садилась вышивать — уже не для себя, а на продажу, — и ловкие пальцы неплохо кормили их маленькую семью. Кай смотрела на играющего Чикуля и видела маленького Неналья, который скоро вытянется, достанет матери до пояса, затем перерастет ее...

Долго текли похожие один на другой дни, пока и они не закончились. Однажды Кай оставила Чикуля, как обычно, на краю поля, с другими детьми. Она сгибалась маисовые стебли, когда услышала крик, обернулась и увидела, как бегут к ней старшие девочки, которые приглядывали за малышами.

Кай бросила початок и рванулась туда, на край поля. Маисовые стебли хлестали ее по рукам, по груди, путались в ногах. — Змея! Змея! — донеслось до нее.

Когда Кай прибежала, Чикуль лежал на земле, белый как полотно, и нога мальчика стремительно распухла. Кай подхватила сына и побежала в селение.

Почему так? Почему змея укусила Чикуля? Почему она не тронула мелкого плаксивого сына Иш-Дай или неуклюжую дочь Иш-Рон? Или других детей? Почему?

Знахарка заговорила, и Кай поняла, что спрашивала об этом вслух.

— Мы не знаем, Кай. Да и сама змея наверняка этого не знала.

Мы не знаем... Бывало, старая Лой вечерами садилась у общего костра и говорила о разных диковинах, которые есть на свете. Послушать ее собирались молодые охотники и девушки, и сама Кай много раз сидела там, ловя каждое слово. Потом знахарку засыпали вопросами, и она иногда отвечала: «Не знаю», качая головой на тонкой шее. Однажды старуха рассказала о небесных птицах, которые живут на вершине пирамиды жрецов и взлетают оттуда еще выше, к небесным зверям...

Кай схватила знахарку за руку и притянула к себе:

— Я принесу каменный глаз.

Лой отпрянула, выдергивая руку, но Кай держала крепко.

— Я принесу каменный глаз, а ты сделаешь все, что нужно.

Теперь сама знахарка подалась ближе и зашептала, обдавая Кай запахом гнилой травы.

— Ты уверена? Ты уверена? Ты помнишь, девочка, что не нужно ходить в Ка'наль? Помнишь? Беду принесешь.

Наутро Кай вышла из хижины и плотно прикрыла вход. Как там будет ее мальчик?..

Кай подошла к жилищу знахарки и стукнула друг о друга висящими на ближнем дереве костями. Старуха выглянула сразу же.

— Скажи мне, как охотятся на этих птиц?

— На небесных птиц никто не охотится, девочка, — ответила старая Лой.

Нельзя смотреть вслед тому, кто идет по запретной тропе — туда, где небо смыкается с камнем. Знахарка отвернулась и задумчиво перебирала сухими пальцами висящие на груди амулеты.

Несмотря на то что в Ка'наль не ходили, в сельве отыскалась тропа. Кай бежала по ней, и каменная громада приближалась, пока не заслонила небо. У подножия пирамиды лежали гладкие плиты, между которыми пробилась редкие травинки. Кай прикоснулась к холодному камню, подняла голову. Наверху клубился густой туман. Она еще раз проверила нож, крепче затянула повязку на волосах и ухватилась за край ступени.

— Й-у-у-у-ш-ш! Й-у-у-у-ш-ш!

Ветер принес снежную крупу, которая сечет лицо и руки, выбивает слезы из глаз. Ступени пирамиды выскоблены дождями, излизаны этим ветром. Кай цепляется пальцами и ногтями, ищет ногами щели и мелкие выступы. Спускаться будет легче. Одна за другой остаются внизу ступени. Верхние постепенно становятся уже. Дышать все труднее, горло перехватывает.

Наконец Кай втолкнула себя на последнюю ступень. Проползла вперед и встала на ноги. На верхнем ярусе пирамиды громоздились камни — с кулак, с голову, в половину человеческого роста. Ничего больше не было вокруг — серые камни, серое небо, мутные клочья тумана. Кай встревожилась. Здесь ли птицы? Тут ведь совсем нечего есть. Она шла, оглядываясь, но не сразу заметила движение сбоку.

Птица сидела неподвижно и косила на Кай любопытным круглым глазом, сверкающим, как черный гладкий камешек.

На голове колыхался студенисто-розовый гребень, похожий на клубок живых червей. Кай приближалась, нащупывая за поясом нож. Птица разглядывала оробевшую женщину. Смотрели на нее и небесные звери, и Кай чувствовала, как давит на плечи этот взгляд. Ко рту прилипла прядь волос. Кай сдула ее и вспомнила ледяной ветер на ступенях пирамиды. Вспомнила о лежащем в хижине Чикуле. Вдохнула и бросилась вперед.

Лезвие скользнуло по жестким перьям раз, другой, Кай схватила из-под ног обломок и ударила. Брызнул соком гребень, теплые капли попали на лицо Кай и потекли вниз. Она ударила снова, и тело птицы обмякло. Пришлось раздробить твердый череп, чтобы добраться до мозга. Наконец Кай отыскала темно-красный переливчатый кристалл. Она положила скользкий камень за щеку, чтобы не остыл, и побрела на край яруса.

Спускаться и вправду было легче. Кай вернулась в селение засветло и бросилась к хижине знахарки, не обращая внимания на людские взгляды.

Старая Лой не пошевелилась, только подняла сморщенные веки, блеснув черными бусинами глаз.

— Фот... — Кай выплюнула на ладонь камень и протянула старухе, — я принесла его.

Знахарка оглядела кристалл и вернула Кай.

— Прячь обратно, девочка. Пойдем.

В хижине Кай было темно и зябко. Она нащупала ледяную руку сына, зажгла огонь в очаге. Лой копошилась рядом, раскладывая зелья. Она требовательно протянула руку, и Кай снова вложила в нее кристалл. А потом и ахнуть не успела, как знахарка взмахнула ножом и рассекла грудь Чикуля. Кай смотрела на темно-красные клубки внутренностей, втягивая в себя воздух. Знахарка ловко протолкнула внутрь камень, свела края раны и буркнула:

— Молчи. Подай воды.

Старуха зашила грудь Чикуля как рубаху, укрыла мальчика покрывалом из шкур и кивнула.

— Утром встанет. — И, поймав взгляд Кай, добавила: — Не сомневайся, девочка.

Знахарка поднялась на ноги, собрала зелья в мешочки на поясе и пошла к выходу. На пороге обернулась, поджала губы и, тяжело ступая, двинулась прочь.

Кай думала, что просидит всю ночь около сына, однако усталость взяла свое. Утром Кай очнулась на полу. Двинула затекшей шеей и вскинулась, глядя на Чикуля. Мальчик лежал на боку, выставив из-под головы круглый локоть. Кай протянула руку, боясь дотронуться до него. Она придвигала и снова отдергивала ладонь, пока не качнулась вперед, ухватившись за теплый локоть. Чикуль открыл глаза:

— Мама?

На следующий день Кай заболела. Ее мутило, руки и ноги не слушались, каждую косточку будто выворачивало. Кай лежала на циновке, то проваливаясь в горячее черно-красное забытье, то выныривая обратно. Смутно помнилось, как знахарка оставила кувшин с травяным настоем и увела с собой Чикуля. Во сне было горько, словно что-то важное утеряно безвозвратно, и нет его больше, нет, нет. Без сна было тревожно и больно.

Снаружи к хижине то и дело подходили женщины, то одиночке, то парами. Они пытались незаметно заглянуть внутрь, и некоторым это удавалось. Так продолжалось, пока не появился Туун. Прикрикнув на сплетниц, он устроился у входа, и поток любопытных женщин иссяк.

Кай промучилась несколько дней, и боль наконец отступила. Нужно было вставать. Со стоном Кай поднялась, чувствуя, что полностью выпрямиться не может. Перед глазами плыло,

и собственные ноги показались ей худыми и короткими. У входа в хижину сидел Туун, и Кай неожиданно для себя обрадовалась ему:

— Здравствуй, охотник.

Туун озадаченно прищурился:

— Здравствуй, Иш-Кай. Ты долго болела.

— Да... — Она покрутила головой, оглядываясь.

— Твой сын у знахарки, — подсказал Туун. Он все щурился, глядя на Кай, будто не узнавал.

Похоже, я стала от болезни совсем некрасивая, решила Кай. Сухо поблагодарила охотника, развернулась и засеменила к хижине старой Лой. Встретившаяся на пути рябая Иш-Сэй подтвердила ее догадку.

— Ох, как тяжело тебе пришлось. Как же ты исхудала! Как щеки ввалились — даже нос больше стал! — залиvisto прочитала Иш-Сэй.

Кай выслушала ее и посеменила дальше. Путь до жилища знахарки оказался сегодня долог. Старая Лой, увидев Кай, нахмурилась, дала жгучее зелье для спины. Вечером Кай натерлась им, шипя — таким едким оказалось снадобье. Однако утром снова не смогла распрямиться. Ноги Кай будто еще укоротились, зато руки доставали почти до колен. В поле будет удобно, невесело усмехнулась она.

Уже начался месяц Йашк'ин, и пришло время собирать ранний маис. Наутро Кай отправилась на поле вместе с другими женщинами. Те обступили ее и засыпали вопросами: неужели Кай и вправду решилась пойти в Ка'наль, как не побоялась подняться на пирамиду, сколько духов умерших встретила, что видела в городе, как выглядят небесные птицы...

— Ты смелая женщина, Иш-Кай, — колыхнув большой грудью, подвела итог расспросам Иш-Чен, жена деревенского писца. — Но лучше бы эти птицы жили неподалеку.

В поле оказалось совсем нелегко. Кай была слаба после болезни и едва дышала, поносив корзины с маисом. Вечером она села за вышивание, но пальцы с трудом удерживали норовившую выскользнуть иглу, бусины то и дело падали на пол, а стежки ложились не в ту сторону.

Через несколько дней вся кожа у Кай покрылась мелкими твердыми бугорками, которые беспрестанно зудели. Кай яростно расчесывала руки, ноги, лицо, живот, но зуд не утихал. А затем бугорки принялись сочиться желтой сукровицей, на которую липла одежда и слетались насекомые. Тело Кай теперь казалось одной сплошной раной.

Мало-помалу женщины в поле начали сторониться ее. Никто не хотел идти рядом с Кай. Женщины сбивались в группки и негромко говорили о чем-то своем, замолкая, когда она приближалась, и настороженно глядя. Однажды Иш-Чен толкнула ногой корзину с маисом, собранным Кай, и ей пришлось заново собирать рассыпанные початки с земли. В другой раз Иш-Сэй выхватила у нее из-под носа бутылку с водой, а попив, выплеснула остатки на землю. Как-то, выйдя из хижины, Кай увидела, что исчезли все стоявшие у стены кувшины.

Когда из бугорков на коже вылезла жесткая черная щетина, Кай не пошла в поле. Она не выходила из хижины до темноты, а когда селение уснуло — отправилась к знахарке. Старая Лой нахмурилась, посмотрев на Кай. Велев ей встать посреди хижины, знахарка надела свою черную маску, разрисованную змеями, зажгла курильницу и принялась ходить по кругу, напевая заклинания. Голова у Кай кружилась, ноги едва держали, и она развела руки в стороны, чтобы не упасть.

Наконец знахарка остановилась и стащила маску с лица.

— Я не знаю, что это, девочка.

— Не знаешь?!

Старая Лой виновато покачала головой.

Вскоре черная щетина на левом плече сменилась мелкими перышками. Потом такие же показались и на правом. И

на спине, и на бедрах. Этих перьев было еще не видно под платьем, но затем они пробились и на руках.

Первый камень угодил в спину Кай, когда она пошла за водой. Кучка сорванцов сгрудилась у крайней хижины, они показывали на нее пальцами, хохотали и запасались новыми камнями. Втянув голову в плечи, Кай посеменила к колодцу, а мальчишки бежали следом, осыпая ее насмешками.

Замолчать их заставил резкий мужской окрик. По улице навстречу Кай шел Туун. Увидев ее, охотник остановился и неловко сглотнул подступивший к горлу ком. Он сбивчиво поздоровался и поспешил прочь.

Старая Лой явилась вечером.

— Уходи, пока не поздно, девочка. Уходи из селения.

— Куда... идти? — с усилием выкашляла Кай.

— В лес. Или наверх.

— А Чикуюль?

Знахарка поджала губы и медленно оглядела Кай снизу вверх. Следом за нею на себя посмотрела Кай. Чешуйки на ногах и заостренные ногти, выгнутое вперед тело, покрытые редкими короткими перьями руки почти без пальцев... Старая Лой вытасила из сумки круглую отполированную пластину и поднесла к лицу Кай. Там, в этом блестящем кружке, она увидела ошипанную птичью голову.

— Это ты, девочка.

Кай взмахнула рукой, выбила у знахарки пластину, отлетевшую на пол, и зажмурилась, мотая головой.

— Это ты.

Надо было ответить, закричать, ударить старую ведьму! Кай все мотала головой, не открывая глаз, молча. Наконец затихла, обхватила себя руками и взглянула на знахарку:

— Завтра уйду.

Лой забрала с собой Чикуюль, и Кай долго металась по опустевшей хижине. Потом устала, прилегла на циновку сына и уснула пустым тревожным сном.

Разбудил ее грохот боевых бубнов, в которые бьют, когда селению грозит опасность или мужчины идут на большую охоту. К хижине приближался невнятный гул, и Кай не сразу поняла, что это крик множества глоток. Гул усиливался, люди подходили ближе. Грохотали бубны, трещали факелы, визжали женщины. Что-то случилось! Кай вскочила на ноги, метнулась к выходу и остановилась.

— Выходи, птица! — кричали там, в толпе. — Выходи! Выходи!

Люди пришли за ней.

Когда охотники ворвались в маленькую хижину, их встретила нелепая, вставшая на ноги птица с ножом, зажатым в недоразвитом крыле. Она бросилась вперед, бестолково размахивая лезвием, но даже ударить никого не сумела. Птицу быстро связали и понесли на площадь. Там горели большие костры и стояла прочная клетка из толстых прутьев. Верхняя крышка ее была открыта в ожидании узницы. Птицу бросили внутрь. Крышку подняли на место и быстро переплели веревками место стыка. Заскрипели, соприкасаясь, прутья. Клетка закрылась. Теперь птица всегда будет рядом, и рядом будет каменный глаз, который растет в ее голове. Сельва опасна. Хорошие охотники встречаются со зверем и умирают от ран. Но теперь, когда случится несчастье с охотником, ему поможет каменный глаз.

Кай съежилась на полу, глядя на огни. Людей она не различала, только слышала крики:

— Небесная птица!

— У нас есть небесная птица!

